

Трудно вообразить более жуткую историю о сверхъестественном и более изощренного рассказчика. Редкостная, великолепная вещь.

Стивен Кинг

Цветы в горшках засохли, молоко скисло, дети одичали, но я ничего не замечала, погружившись в изощренную магию повествования. Весьма изобретательный, жуткий и, несмотря на сверхъестественность, очень человечный рассказ о доме с привидениями. Я буду его часто перечитывать.

Гиллиан Флинн

Книгу я проглотил за вечер. Она тесно связана с предыдущими романами Дэвида Митчелла и, несмотря на скромный размер, написана со свойственным автору размахом и энергией. Тщательно продуманный мир сверкает и искрится необузданной фантазией. Это «Дракула» нового тысячелетия, сказка о Гензеле и Гретель для взрослых, напоминание о том, что литература — вещь увлекательная.

Энтони Дорр

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума. «Голодный дом» — часть фрактального узора, начатого в предыдущем романе «Костяные часы» («Простые смертные»), ужасающий рассказ о доме с привидениями, основанный и на традиционном фольклоре, и на квантовой механике, завораживающая история о неуемной жажде жизни и о самонадеянности бесконтрольной власти.

Дин Куниц

Дэвиду Митчеллу подвластно все. Назвать его увлекательнейший, завораживающий, временами ужасающий роман книгой о доме с привидениями — все равно что назвать повесть Генри Джеймса «Поворот винта» книгой о призраках. Незабываемый, замысловатый и яркий стиль Митчелла очаровывает и пугает до дрожи. Книга захватывает так же, как хозяева Слейд-хауса не выпускают из дома ничего

не подозревающих гостей. Добро пожаловать в Слейд-хаус: входите, бояться вам нечего.

Адам Джонсон (лауреат Пулицеровской премии)

«Голодный дом» — обезумевший сад, замысловатый лабиринт запутанных тропок, где все цветы ядовиты, а путь к спасению преграждают шипы и колючки. Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших — если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом, что и подтверждается его новой, головокружительной книгой. Местами она читается, как если бы Уэс Крэйвен попросил Умберто Эко написать новый сценарий по мотивам «Кошмара на улице Вязов», но даже это сравнение не отражает внутренней напряженности повествования. Фредди Крюгер не выдержал бы в Слейд-хаусе и пяти минут и с криком бросился бы наутек. Я читал книгу с ужасом и восторгом, лихорадочно листая страницы и с трудом сдерживая невольную дрожь.

Джо Хилл

Живое, красочное и до жути пугающее повествование завораживает настолько, что рискуешь пропустить свою остановку в метро. Я вот пропустил.

Дэниел Хэндлер (он же Лемони Сникет)

Как перевозбужденный Стивен Кинг... маниакально изобретательный... Новый роман, созданный неумным воображением Митчелла, одновременно скрывает в себе отголоски его предыдущих произведений и намеки на будущие шедевры.

Guardian

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Полный глубоких мыслей, искрящийся мрачной энергией роман... невообразимо изобретательный и захватывающий...

Financial Times

Утонченный, элегантно рассказанный ужастик... Митчелл мастерски и с тонким юмором объединяет традиционные компоненты страшных историй — старый особняк, темные аллеи, пропавшие люди — с глубоко реалистичными описаниями жизни героев. Смешно, страшно и правдиво.

The Times

Увлекательная жуткая история, которую интересно читать и ради сюжета, и просто для удовольствия, с замирающим сердцем. Хочется побыстрее добраться до следующей главы, чтобы узнать, что происходит.

Sunday Times

Написано по-настоящему здорово и по-настоящему страшно.

Daily Mail

Митчелл умело сплавляет элементы несопоставимых параллельных реальностей в головокружительную историю, подчиняющуюся своим непостижимым законам.

Metro

Самая увлекательная книга Митчелла, написанная неподражаемым стилем.

Literary Review

На этот раз Дэвид Митчелл обратил свой незаурядный талант рассказчика к описанию соблазнов бессмертия — и его рискованных последствий. Источником его воображения служат знакомые сцены повседневной жизни, воссозданные с необычайной точностью и мастерством. Бессмертие — не привилегия, а проклятие, утверждает он, призывая любить время, обрекающее нас на смерть. Жуткое, головокружительное и безмерно увлекательное повествование — еще одна жемчужина в творчестве великолепного писателя.

Independent

Захватывающая, невероятная книга. Дэвид Митчелл — настоящий волшебник.

The Washington Post

Увлекательно и пугающе... Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Захватывающая история... Как дом на холме в книге Ширли Джексон или отель «Оверлук» в «Сиянии» Стивена Кинга, Слейд-хаус — уголок ада, созданный для того, чтобы заманивать неосторожных путников... Вселенная Митчелла растет и ширится, и этот небольшой, но впечатляющий роман содержит загадочные намеки на будущее.

San Francisco Chronicle

Новое изощренное творение Дэвида Митчелла — рассказ о доме с привидениями, напоминающий романы Диккенса, Стивена Кинга, Дж. К. Роулинг и Лавкрафта, но обладающий куда большим психовольтажом.

Pittsburgh Post-Gazette

Увлекательная, тщательно выписанная история, полная теплоты и человечности... великолепная сказка для взрослых.

The Huffington Post

Прелесть «Голодного дома» заключается в нескончаемых открытиях на каждой странице. Раз за разом гости совершают одни и те же ошибки, — разумеется, читатель их не допустит, читатель умнее и проницательнее, его не обманешь дешевыми трюками ужастиков — всеми этими ожившими портретами, унылыми призраками и лестницами, ведущими в никуда. Читатель найдет потайную дверцу, ускользнет... и попадет в очередную ловушку.

NPR

Чертовски увлекательно... страшно, жутко и весело... Для того чтобы оценить этот роман, необязательно читать предыдущие. Читателя ожидает восхитительная, захватывающая история, полная интеллектуальной игры, внезапных поворотов сюжета и даже комических эпизодов.

The Daily Beast

Умная, увлекательная и жуткая история. Тем, кто еще не знаком с творчеством Митчелла, возможно, следует начать именно с этой книги.

Milwaukee Journal Sentinel

Митчелл — один из лучших писателей современности. «Голодный дом» станет неотвязно преследовать вас днями — и ночами.

San Antonio Express-News

Великолепная история о доме с привидениями... неожиданно, свежо и жутко... Книга читается залпом — только не забудьте включить свет поярче.

BookPage

Еще один триумф неподражаемого воображения Дэвида Митчелла.

The Daily Telegraph

Захватывающая история в стиле викторианского романа ужасов, ей по праву гордился бы Эдгар Аллан По... Паранормально-мистическое фэнтези с элементами хоррора — и очень увлекательное.

Esquire

Вызывает невероятное восхищение.

Tatler

Сложный, замысловатый роман, которым наверняка насладятся многочисленные поклонники Митчелла. «Голодный дом» неопровержимо доказывает, что Дэвид Митчелл — единственный в своем роде.

Shelf Awareness

Превосходно... Пожалуй, самая доступная книга Митчелла — история о доме с привидениями, подобная классическим романам «Поворот винта» и «Призрак дома на холме», — наверняка придется по душе поклонникам Одри

Ниффенеггер, Карен Расселл и Стивена Миллхаузера. Великолепная книга для чтения в Хеллоуин.

Booklist

«Голодный дом» — это одновременно и классический хоррор (способный, как и обещает нам в своем восторженном отзыве на обложке книги Стивен Кинг, напугать вполне по-настоящему), и готическая история о привидениях, и немного детектив, и щемящая повесть о систематической неспособности человека отличить мечту от коварной ловушки, а еще о том, что очень часто никакого различия между ними, собственно говоря, и нет.

Галина Юзефович

Начался «Голодный дом» едва ли не с шутки: Митчелл опубликовал в «Твиттере» небольшой рассказ, который, слово за слово, перерос в первую часть его новой книги. На окраине Лондона, среди ничем не примечательных улочек, есть проулок Слейд. Где-то в проулке спрятана крохотная дверца. Найти ее трудно, открыть и попасть на ту сторону — куда бы она ни вела — легко. Дальше все практически по Дмитрию Львовичу Быкову: «Мы, обнесенные на грустном сем пиру, / Там получаем все, чего бы здесь хотели». Проблема только одна: выбраться оттуда, вновь вернуться к прежней жизни, к пускай опостылевшей, но все же привычной и понятной обыденности, даже если очень захочется, окажется не так-то просто.

Фонтанка

Книга о загадочном доме, который исполняет желания, но взамен берет каждого нового гостя в плен, читается взахлеб, а идея преемственности поколений и обескураживающей схожести человеческих судеб напоминает нам все о том же «Облачном атласе». Впрочем, одним «Атласом» дело не ограничивается, и в «Голодном доме» писатель наконец перестает сопротивляться свойственному британской литературе консерватизму и с исключительной щедростью раздает дань кумирам прошлого.

Афиша

Приличные
люди

1979

Машины слова тонут в копотном рыке отъезжающего автобуса. За автобусом оказывается паб «Лиса и гончие». На вывеске паба три бигля окружили лису, вот-вот набросятся и разорвут в клочья. Под вывеской табличка: ВЕСТВУД-РОУД. Лорды и леди живут в роскоши, поэтому я ожидал увидеть особняки с бассейнами и «ламборгини» у обочины, но Вествудроуд выглядит вполне обычной улицей. Обычные кирпичные дома, сдвоенные или отдельно стоящие, с обычными палисадниками и обычными машинами. Волглое небо цвета застиранных носовых платков. Мимо пролетают семь сорбк. Семь — хорошее число. Мамино лицо совсем рядом, только непонятно, сердитое оно или взволнованное.

— Нэйтан! Слышишь?

Мама сегодня губы накрасила. Помада цвета «утренняя сирень» пахнет клеем «Притт».

Мамино лицо не отодвигается, поэтому я спрашиваю:

— Что?

— Простите или извините, а не что.

— Ладно, — говорю я, что обычно срабатывает.

Но не сегодня.

— Ты слышал, что я сказала?

— «Простите или извините, а не что».

— Что я сказала перед этим? Если у леди Грэйер тебя спросят, как мы приехали, отвечай, что на такси.

— Лгать нехорошо.

— Лгать нехорошо, — говорит мама, вытаскивая из сумки конверт, на котором записан адрес. — А произвести приличное впечатление необходимо. Если бы твой отец платил как положено, то мы действительно приехали бы на такси. Так... — Мама прищуривается, разбирая собственный почерк. — Проулок Слейд примерно в середине Вествуд-роуд... — Она смотрит на часы. — Без десяти три, а нас ждут к трем. Давай-ка быстрее, не копайся и не ротозейничай.

Мама шагает вперед.

Иду за ней, не наступая на трещины в асфальте. Иногда приходится угадывать, где они, потому что тротуар покрыт кашцей палой листвы. Уступаю дорогу бегуну с огромными кулаками, одетому в черно-оранжевый тренировочный костюм. У футбольной команды «Вулверхэмптон уондерерс» форма черно-оранжевая. С веток рябины свисают кисти блестящих ягод. Хочется их пересчитать, но стук маминых каблучков — цок-цок, цок-цок! — зовет за собой. Туфли она купила на распродаже в универмаге «Джон Льюис», на последние деньги, оставшиеся от гонорара Королевского музыкального колледжа, хотя «Бритиш телеком» прислал последнее уведомление о неоплаченном телефонном счете. Мама надела темно-синий концертный костюм и заколола волосы серебряной шпилькой с наконечником в форме лисьей головы. Шпильку привез из Гонконга мамин отец после Второй мировой войны. Когда к маме приходит ученик, я, чтобы им не мешать, сажусь к маминому туалетному столику и вытаскиваю лиса из шкатулки. У него нефритовые глаза. Иногда он улыбается, а иногда нет. Я сегодня не в лучшей форме, но скоро валиум подействует. Валиум — отличная вещь. Я две таблетки принял. На следующей неделе обойдусь меньшим числом, а то мама заметит, что они слишком быстро

кончаются. Твидовый пиджак колется. Мама купила его в «Оксфаме», специально для сегодняшнего визита. Галстук-бабочка тоже из «Оксфамы». По понедельникам мама туда ходит помогать, отбирает лучшее из того, что в субботу приносят. Если Гэс Ингрэм или кто-то из его приятелей увидит меня в этом наряде, то мне в школьный шкафчик обязательно какашек подкинут. Мама говорит, что я должен научиться Вписываться В Коллектив, но уроков вписывания никто не дает, даже в муниципальной библиотеке таких объявлений нет. Зато есть клуб любителей «Подземелий и драконов». Я хочу записаться, но мама не позволяет, говорит, что «Подземелья и драконы» заигрывают с темными силами. В одном окне по телевизору показывают скачки — по первому каналу Би-би-си идет «Грандстэнд». Следующие три окна закрыты тюлевыми занавесками, сквозь них виден телевизор — рестлинг на канале Ай-ти-ви. Гигант Хэйстекс, волосатый плохиш, против лысого добряка Биг-Дэдди. Еще через восемь домов на втором канале Би-би-си показывают «Годзиллу». Годзилла натывается на опору линии электропередачи и валит ее на землю. Японский пожарный с мокрым от пота лицом что-то кричит в рацию. Годзилла хватается за поезд, хотя так не бывает, потому что у земноводных нет больших пальцев. Наверное, большой палец Годзиллы — будто так называемый большой палец у панды, то есть не палец, а видоизмененный коготь. Может быть...

— Нэйтан! — Мама хватается меня за руку. — Что я говорила про ротозейство?

Я задумываюсь, вспоминаю:

— «Живее. Не копайся и не ротозейничай».

— А ты чем занимаешься?

— Размышляю о больших пальцах Годзиллы.

Мама закрывает глаза.

— Леди Грэйер пригласила меня — нас — на музыкальную вечеринку. На суаре для ценителей музы-

ки. Там будут важные особы из Совета по искусствам, те, кто распределяет гранты и организует концерты...

Мамины веки покрыты сеткой крошечных красных прожилок, похожих на фотографии рек, сделанные с большой высоты.

— Я бы с удовольствием оставила тебя дома, играл бы в свою бурскую битву, но леди Грэйер очень настаивала, так что... Веди себя нормально. Сможешь? Я тебя очень прошу. Представь самого нормального одноклассника и изобрази нормальное поведение.

Нормальное Поведение похоже на Вписывание В Коллектив.

— Я постараюсь. Только не бурская битва, а Бурская война. Твое кольцо мне в руку впиивается.

Мама разжимает пальцы. Так гораздо лучше.

Я не понимаю, что именно выражает ее лицо.

Проулок Слейд очень узкий. Это проход между двумя домами, который шагов через тридцать оканчивается поворотом влево. В таком месте впору бродягам в картонной коробке ночевать, а не лордам жить.

— Наверное, парадный вход с противоположной стороны, — говорит мама. — Слейд-хаус — городской особняк Грэйеров, а их поместье находится в Кембриджшире.

Если бы каждый раз, когда мама произносит эти слова, мне давали пятьдесят пенсов, то у меня уже набралось бы три с половиной фунта. В проулке холодно и промозгло, как в пещере Белый Шрам в Йоркширских долинах. Мы с отцом туда ездили, когда мне было десять лет. На первом же углу в проулке лежит дохлая кошка. Серая, как пыль на Луне. Я точно знаю, что кошка дохлая, потому что она валяется, как оброненный мешок, а глаза облепили здоровенные мухи. Отчего она сдохла? Ни пулевых отверстий, ни ран от клыков или когтей, только голова неловко свешива-

ется набок. Наверное, какой-то котоманьяк ей шею свернул. Для меня она сразу превращается в одно из пяти прекраснейших зрелищ на свете. Может быть, в Папуа — Новой Гвинеее есть племя, которое считает музыкой жужжание мух. Я бы туда вписался.

— Нэйтан, не отставай! — Мама дергает меня за рукав.

— А ее похоронят? Как бабушку?

— Нет. Кошки — не люди. Пойдем.

— Так ведь хозяина надо предупредить, что кошка домой не вернется.

— Каким образом? Подобрать дохлую кошку и носить по Вествуд-роуд? Спрашивать в каждом доме, кто хозяин?

Иногда маме приходят в голову дельные мысли.

— Ну, придется время потратить, но...

— Нэйтан, прекрати! Нас ждут у леди Грэйер.

— Но ведь вороны ей глаза выклюют. Надо похоронить.

— Здесь нет ни сада, ни лопаты.

— А у леди Грэйер найдется и сад, и лопата.

Мама снова закрывает глаза. Наверное, у нее голова разболелась.

— Все, этот разговор окончен.

Она тащит меня за собой, к середине проулка Слейд. В проулке всего пять домов, но кирпичные ограды с обеих сторон такие высокие, что за ними ничего не видно, только небо.

— Смотри не пропусти маленькую черную железную дверь с правой стороны, — говорит мама.

Мы доходим до следующего угла — ровно девяносто шесть шагов, трещины в асфальте заросли одуванчиками и чертополохом, но двери нет. Мы сворачиваем направо, проходим еще двадцать шагов и оказываемся на улице, параллельной Вествуд-роуд. На табличке надпись: КРЭНБЕРИ-АВЕНЮ. Напротив

стоит машина Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна. На замызанной панели над задним колесом кто-то написал: ВЫМОЙ МЕНЯ. Водитель со сломанным носом разговаривает по рации. Мимо нас на скутере проезжает мод, как в «Квадрофении», без шлема.

— Ездить без шлема запрещено, — говорю я.

— Странно все это, — говорит мама, глядя на конвент.

— А вот сикха в тюрбане полицейские...

— «Маленькая черная железная дверь»... Как мы ее пропустили?

Я знаю. На меня валиум действует, как волшебное зелье на Астерикса, а вот мама от него соловлет. Вчера она меня Фрэнком назвала, как папу, и не заметила. Рецепты на валиум выписывают два доктора, потому что таблеток по одному рецепту не хватает, но...

...рядом лает собака. Я вскрикиваю, в страхе отпашиваюсь и писаю в штаны — совсем чуть-чуть. Нет, все в порядке, там забор, а собака — крошечная тьявка, а не бульмастиф, и уж точно не тот самый бульмастиф, а описался я всего капельку. Сердце стучит как сумасшедшее, меня мутит. Мама вышла на Крэнбери-авеню, ищет ворота и особняк за воротами, тьяканья даже не услышала. Мимо проходит лысый тип в комбинезоне — в руках ведро, на плече стремянка, — насвистывает «Я научу всех в мире петь».

— Простите, вы не знаете, где здесь Слейд-хаус? — спрашивает его мама.

Свист прекращается. Лысый тип останавливается:

— Где здесь что?

— Слейд-хаус. Резиденция леди Норы Грэйер.

— Понятия не имею. Но коли вы ее найдете, передайте этой самой леди, что если ей угодно кого попросит, то я мастер дам ублажать. Классный у тебя галс-

тучек, сынок, — говорит он мне, сворачивает в проулок Слейд и продолжает насвистывать с того самого места, на котором прервался.

Мама глядит ему в спину, бормочет:

— Вот уж спасибо, помощничек хренов.

— «Хренов» — нехорошее слово.

— Нэйтан, не... Ох, не начинай.

По-моему, лицо у мамы сердитое.

— Хорошо.

Песик больше не тьякает, лижет пипиську.

— Вернемся, — решает мама. — Может быть, леди Грэйер имела в виду соседний переулок.

Она идет к проулку Слейд, я за ней. Мы подходим к середине проулка как раз тогда, когда тип со стремянкой на плече сворачивает за угол, там, где лежит дохлая лунно-серая кошка.

— Если здесь кого убьют, то никто и не увидит, — говорю я.

Мама не обращает на меня внимания. Может, мое замечание не совсем нормальное. На середине проулка мама останавливается:

— Ох, ну надо же!

В кирпичной стене виднеется черная железная дверь. И правда маленькая. Во мне четыре фута одиннадцать дюймов росту, а дверь вровень с моими глазами. Толстяку в нее не протиснуться. На двери нет ни ручки, ни замочной скважины, ни щелей в дверном косяке. Она черная-черная, как пустота, как провалы между звездами.

— И как мы ее пропустили? — говорит мама. — Тоже мне, бойскаут.

— Я больше не бойскаут, — напоминаю я.

Мистер Муди, глава скаутского отряда, велел мне валить куда подальше, я и свалил. А потом бригада спасателей Сноудонии меня два дня искала. В новостях показывали, и все такое. Все почему-то очень рассердились, но я ведь просто делал что сказано.

Мама толкает дверь — не открывается.

— И как эту проклятую дверь открыть? Может, постучать?

Дверь притягивает мою ладонь. Поверхность теплая.

Дверь распахивается внутрь, петли визжат, как тормоза...

...и перед нами сад — жужжащий летний сад. Там растут розы, зубатые подсолнухи, россыпи маков, кустики наперстянки и еще какие-то цветы, названий которых я не знаю. Там есть каменная горка и пруд, повсюду снуют пчелы и порхают бабочки. Потрясающе.

— Великолепно! — говорит мама.

Слейд-хаус стоит на вершине холма — старый, приземистый, суровый, серый и наполовину облепленный огневым плющом, совершенно непохожий на дома вдоль Вествуд-роуд и Крэнбери-авеню. Если бы он принадлежал Национальному обществу охраны исторических памятников, то его посещение стоило бы два фунта, а детям до шестнадцати — семьдесят пять пенсов. Мы с мамой проходим в черную железную дверь, ее закрывает ветер, будто дворецкий-невидимка, порывы подталкивают нас в сад, вдоль стены.

— У Грэйеров наверняка садовник есть, — говорит мама. — И не один.

Валиум наконец-то подействовал. Красные тона становятся глубже, синие — яснее, зеленые — влажнее, а белые делаются прозрачными, как папиросная бумага. Я хочу спросить маму, как такой огромный дом и сад умещаются в пространство между проульком Слейд и Крэнбери-авеню, но вопрос проваливается в глубокий бездонный колодец, и я забываю, что забыл.

Содержание

ПРИЛИЧНЫЕ ЛЮДИ. 1979	11
БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА. 1988	45
ХРЮ-ХРЮ. 1997	89
ПРОКАЗНИК ЭДАКИЙ. 2006	149
АСТРОНАВТЫ. 2015	201
Благодарности	246
Примечания. <i>А. Питчер</i>	247